

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

Деньги для киллера

АВАНТЮРНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Деньги для киллера

«ЭКСМО»

2000

Полякова Т. В.

Деньги для киллера / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2000 — (Авантюрный детектив)

ISBN 5-699-16889-3

Кто-то из "своих" похитил деньги, предназначенные для киллера за уже выполненную им "работу". Конкурирующие банды города охвачены подозрительностью и страхом. Множится число трупов. Безжалостный убийца по кличке Оборотень одного за другим убирает подозреваемых в этом глубоко аморальном для уголовного мира преступлении. А в центре кровавого карнавала - две обольстительные девицы. Одной из них предстоит сыграть роль Шерлока Холмса и поставить точку в конце этой леденящей кровь истории.

ISBN 5-699-16889-3

© Полякова Т. В., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

ДЕНЬГИ ДЛЯ КИЛЛЕРА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна ПОЛЯКОВА

ДЕНЬГИ ДЛЯ КИЛЛЕРА

Поезд стоял здесь две минуты. Я вышла на дощатый перрон и тоскливо огляделась: ни души. Оно и понятно – будничный день. Я вздохнула и, спустившись по шатким ступеням, быстро пошла по тропинке. В домике путевого обходчика уютно горел свет. В незашторенном окне был виден стол с самоваром и девчонка в красном платье, она громко читала стихотворение: «Люблю грозу в начале мая...» В этот момент поезд содрогнулся и неторопливо пополз дальше. Паровоз и четыре вагона – местные почему-то прозвали его «Тарзан».

Тропинка свернула в лес. Я опять огляделась. Никого. Может, и к лучшему. А ну как моим попутчиком оказался бы незнакомый мужчина? То-то, двигай ногами и радуйся. Я взглянула на часы: 22.45. «Тарзан» пришел на станцию без опоздания. Впрочем, какая станция? Полустанок с невероятно поэтическим названием «49-й километр». Леспромхоз и несколько деревушек по десять-пятнадцать домов, зимой почти пустынные, летом оживающие из-за наплыва дачников. В одной из таких деревушек у Соньки дача. Туда я и направляюсь. Возле железной дороги было еще светло, но стоило войти в лес, как я оказалась в темноте. Здесь, в лесу, уже хозяйничала ночь. Тропинку потерять я не боялась, но идти одной было все-таки жутковато. Я попробовала петь, голос звучал как-то неестественно, бодрости мне это не прибавило, я замолчала. И подумала о Соньке. Есть люди, которые могут испортить вам день, а есть такие, что портят жизнь. Сонька никогда не мелочилась. Сейчас она скорее всего смотрит телевизор или спит, как лошадь, и думать не думает, что я иду по лесу одна и, между прочим, трушу.

– Когда-нибудь я ее все-таки поколочу, – громко заявила я, и мне сразу стало легче. Хотя колотить Соньку дело зряшное, ее можно пережить, как землетрясение. Или не пережить.

Мы познакомились с ней восемь лет назад в Ялте, где вместе отдыхали. Вернулись в родной город, и вечером того же дня Сонька заявила ко мне. С тех пор моей правильной, размеренной жизни пришел конец. Вот, к примеру, какого черта я иду ночью пешком по лесу? Я иду спасать Соньку. Интересно, от чего? Сегодня днем она позвонила мне на работу. Лида Малышева заглянула в кабинет и сказала:

– Маргарита Петровна, вас к телефону. Срочно.

Я тяжело вздохнула и поплелась на первый этаж, где у нас один на всех телефон. Срочно, значит, Сонька. А я-то надеялась отдохнуть от нее хоть недельку. Три дня назад она уехала на дачу с намерением жить там все лето. До этого она месяца два болтала о том, что русские аристократы были не дураки, когда с мая по сентябрь жили в деревне, а на зиму возвращались в столицы. Конечно, о том, что Сонька все лето просидит в своей Куделихе, я даже не мечтала, но звонить через три дня все-таки свинство. Может, она утюг забыла выключить, когда уезжала, и я отделаюсь малой кровью?

Я сняла трубку и услышала Сонькин голос:

– Гретка, это ты?

– Нет, не я.

Тут надо кое-что пояснить: в начале нашего знакомства я проболталась Соньке, что родители дома звали меня Гретой, не иначе как у меня с головой неладно было, потому что Соньке это необыкновенно понравилось, и вскоре не только она сама, но и все мои знакомые по-другому меня уже не называли, начисто забыв, что до той поры я была Маргаритой, и меня это вполне устраивало. Сначала я злилась, потом привыкла.

Родители мои из поволжских немцев. Именно поэтому Сонька звала меня «белокурой бестией». Бог знает где она слышала этот арийский термин, сама-то она утверждала, что в

умной книге вычитала. Но это вранье, конечно, потому что ничего, кроме объявлений в газетах, Сонька не читала. Однако стоило ей разозлиться, и из белокурой бестии я превращалась в недобитую фашистку. К счастью, Сонька злилась редко. В наследство от родителей мне досталась открытка, где юная дева в обрамлении пунцовых сердечек сидела возле ручья, наподобие нашей Аленушки. У девы были белокурые волосы, алый ротик и фарфоровые глазки подозрительной голубизны. Внизу надпись, что-то вроде «Люби меня, как я тебя», жуткая гадость. Сонька, увидев открытку, покатила со смеху и спросила: «Это не ты, случаем, позировала?» Я могла злиться сколько угодно, но она была права: юная дева на открытке здорово на меня смахивала, и это тоже порядком отравляло жизнь. Стоило мне надеть что-нибудь романтическое, Сонька начинала фыркать, да и сама я, убедившись в том, что выгляжу принцессой из сказок Гофмана, вновь облачалась в деловой костюм. А вот Сонька могла носить что угодно, ей всегда все было к лицу. Волосы у нее темные, глаза зеленые, словно у кошки, и улыбка – до ушей.

Не знаю, что заставляет меня терпеть ее столько лет. Сама она объясняла это подсознательным чувством вины. (Сонька часов по десять в день смотрит телевизор и так поднаторела в психологии, что спасу нет.) А дело в том, что ее дед по отцу был евреем и погиб во львовском гетто. Когда моя подружка считала, что это выгодно, она запросто могла прикинуться еврейкой, хотя из всего, касающегося этого библейского племени, знала только название древней столицы – Иерусалим да пару бытовых анекдотов про Абрама и Сару. В общем, если верить ей, выходило, что я искупаю вину своего деда перед Сонькиным. Насколько мне было известно, все мои родственники в то время пребывали гораздо северо-восточнее города Львова, причем и не по своей воле, но мою подружку это заботило мало. Не знаю, как насчет вины, но действовала она на меня, словно удав на кролика, что позволяло ей подолгу жить в моей квартире, оставлять пятна на моей одежде и стаптывать мои туфли.

Теперь должно быть ясно, почему я так обрадовалась очередной Сонькиной фантазии: провести лето в деревне. К несчастью, в деревушке у пенсионера Николая Максимыча имелся телефон, старики вокруг одинокие, рядом летняя дойка, вот телефон лет пять назад и поставили. Не будь я законопослушной гражданкой, давно бы повредила кабель...

Возвращаюсь к ее срочному звонку.

Я тяжело вздохнула, а Сонька спросила как-то вяло:

– Это ты или не ты?

– Ну, я. Как там дела у русской аристократии?

– А мне откуда знать?

– Что ж так?

– А вот так. Меня сейчас занимают другие мысли. Вот, к примеру, для чего мы пришли в этот мир?

– Ты прямо сейчас хочешь это выяснить? – поинтересовалась я. Сонька обиженно засопела.

– Дура ты бесчувственная. У меня депрессия.

– Не знаю такого слова.

– Все ты знаешь.

– Слушай, а кто за звонок платить будет? Ты ж собиралась экономить.

– Ты самый близкий для меня человек. Я нахожусь на грани...

– Отойди от нее в сторонку, – мне стало стыдно, и я, сменив тон, спросила: – Чего у тебя?

– Славка – подлец...

– А, про Славку я все знаю.

– Нет, не все, – разозлилась Сонька, – приезжай, поддержка нужна.

– Приеду, – вздохнула я, – в пятницу.

– В пятницу твоя помощь может уже не понадобиться.

– Ты не топить ли собралась?
– А что, получше меня люди руки на себя накладывали. Вот Анна Каренина...
– Она под паровоз бросилась, – уточнила я.
– У меня «Тарзан» под боком.
– Семь километров. Ты ленивая, пока доплетешься, передумаешь.
– Остри себе на здоровье. Конечно, моя жизнь в масштабах человечества мало значит, но нет человека, который был бы, как остров, сам по себе, каждый человек – это часть материка...

Тут до меня дошло, что Сонька цитирует Джона Донна, которого не может знать в силу своей беспросветной дремучести.

– Эй, – насторожилась я. – Это еще откуда?
– Это Хемингуэй.
– Ты читаешь Хемингуэя? – опешила я.
– Да.
– Врешь, – теперь я испугалась, и было чему: Сонька ничего интеллектуальнее мексиканских сериалов на дух не выносила. Приходилось признать, что с ней в самом деле что-то не так. – На какой странице? – все еще не теряя надежды, спросила я.
– На двести тринадцатой... Хочешь, расскажу о чем?
– Нет, – всерьез разволновалась я, – может, тебе не стоит читать, может, ты лучше телевизор посмотришь?
– Не вижу смысла, – вздохнула Сонька.
– Ладно, поищем вместе.
– Приедешь?
– Приеду.
– С «Тарзаном».
– Очумела, что ли? Семь километров пешком.
– Я тебя на велике встречу.
– Иди ты со своим великом знаешь куда! Попрошу кого-нибудь подвезти.
– Картошки захвати.
– Что, у тебя картошка кончилась?
– Она и не начиналась, кто ее сажал?
– У Максимыча купишь, – сказала я и повесила трубку.

День, который начался так паршиво, не сулил ничего хорошего. Если бы голова моя работала исправно, я бы забыла этот разговор через полчаса. Но я-то знала, что поеду к Соньке, буду слушать ее бесконечное нытье и рассказы про подлеца Славку. К несчастью, слова: дружба, ответственность, верность – для меня не пустой звук. Правда, сейчас дружба казалась мне глупостью, а мой поход через лес – следствием белой горячки. Впереди вырисовывался деревянный мост, это значит, что прошла я только два километра. Да, день не задался. Договорилась с приятелем, что он отвезет меня к Соньке, прождала его больше часа, он позвонил, страшно расстроенный, и сообщил, что у него угнали машину, прямо со стоянки возле дома. Сделав несколько бесполезных звонков, я поняла, что, если хочу попасть к Соньке, придется мне добираться «Тарзаном». И вот теперь бреду в темноте по лесу, стучу зубами от сырого воздуха и страха, а ради чего? Чтобы спасти Соньку? Ее надо от самой себя спасти, но это, к сожалению, невозможно!

Я ускорила шаг, чуть согрелась и почувствовала себя несколько лучше. Все бы ничего, да завтра на работу, впрочем, первое занятие в четыре, успею отдохнуть. Сейчас приду, напьюсь чаю, завалюсь спать.... Из кустов шумно выпорхнула птица. Я вздрогнула, а потом засмеялась. Просто удивительно, как меняются ощущения, лишь только окажешься в темноте. Вот я, к примеру, совсем не трусиха, да и чего мне бояться? Зверья? Так ничего опаснее зайца

здесь не водится, лесные разбойники тоже как-то не прижились, а вот иду и вздрагиваю от каждого шороха. Днем – совсем другое дело: шла бы не торопясь, птиц слушала и радовалась, что вырвалась из города. Тропинка устремилась в гору, и я вместе с ней, вот поваленная береза, значит, осталось мне чуть больше двух километров. И тут до меня дошло, что идти придется мимо кладбища. Я машинально взглянула на часы: полночь. Ну надо же... В рассказы о привидениях я, конечно, не верю, но кому придет охота идти ночью в лесу мимо деревенского кладбища? Конечно, его можно обойти. Только в такую темень заблудиться проще простого, да и крюк приличный... Бегом, и направо не смотреть.

Решившись, я пошла быстрее, кладбище вот-вот должно было показаться за деревьями. И тут... Свет, тусклый, блеклый, какой-то призрачный, слабо пробивался сквозь ветви. В первое мгновение я хотела заорать и броситься по тропинке назад, но что-то меня удержало. Я замерла, вытаращив глаза, и стояла так пару минут, прежде чем до меня дошло: свет этот не имел никакого отношения к мистике: вплотную к кладбищенской ограде, представляющей собой деревянные столбы, соединенные между собой слагами, лопнувшими во многих местах, стояла машина. Свет ее габаритных огней я и увидела. Облегченно вздохнув, я прошла еще пару метров и встревоженно притормозила. За оградой вырисовывались две фигуры и, если я в состоянии что-то понимать, рыли могилу. Тут до меня дошло, что встреча с привидениями далеко не самая опасная вещь на свете, поэтому тихо сползла на землю, под прикрытие куста бузины. Я могла заметить их слишком поздно – от этой мысли мороз пошел по коже. Что они тут делают? Неужели могилы грабят? Очень некстати я вспомнила «Тома Сойера»: «Неожиданно показавшаяся из-за туч луна осветила лицо индейца Джо...» Ну, надо же... Глаза привыкли к темноте, и я неплохо видела обоих мужчин: голова одного то исчезала, то снова показывалась из ямы, второй стоял наверху, метрах в двух от машины, и поглядывал по сторонам. Я плотнее прижалась к земле, но наблюдать продолжала. И о Соньке подумала: а что, если ей придет фантазия меня встречать? Нет, Сонька спит, как сурок, и обо мне думать не думает. Впервые мысль о ее безответственности меня порадовала. – Ну, – проронил тип, стоявший наверху, и я от неожиданности вздрогнула. Второй вылез из ямы и сказал:

– Порядок.

Лицо его оказалось в полосе света, и я его, конечно, запомнила, хотя мне этого совершенно не хотелось. Мое единственное желание в этот миг – очутиться как можно дальше отсюда.

Они подошли к машине, открыли багажник и вытащили оттуда что-то большое и тяжелое. Я зажала рот рукой, чтобы не заорать, потому что вдруг поняла – это труп. Выходит, они не грабители могил, а кое-кто похуже. С трудом они подтащили труп к яме, и тут произошло самое страшное: труп вовсе не был трупом, я отчетливо услышала стон.

– Быстрее давай, – сказал один из мужчин, столкнув ногой тело в яму. Оба взялись за лопаты и стали ими ходко орудовать. Волосы у меня буквально встали дыбом, потому что тот, в могиле, опять застонал.

Работали они быстро, через несколько минут яма была закопана, землю притоптали ногами, и один из них бросил другому:

– Порядок. Поехали.

Они сели в машину, развернулись и направились по песчаной дороге в сторону Зайцева. А я заревела от страха, кинулась к могиле и стала ее раскапывать руками, оглядываясь на дорогу и замирая от ужаса при мысли, что те, на машине, могут вернуться. Мне казалось, или я на самом деле слышала стоны, не знаю, но ногти на руках я сломала, а в своей работе продвинулась мало. И я побежала. Наверное, изловчилась побить мировой рекорд, потому что через несколько минут была уже возле Сонькиного дома. Он крайний, мимо него проходит дорога. Окна темные, я влетела в палисадник, вскочила на лавку и забарабанила в окно. Кажется, прошла вечность, прежде чем в доме кто-то заворочался, я опять стукнула по стеклу и заорала:

– Да открой ты, дура!

– Гретка, ты, что ли? – послышался заспанный Сонькин голос, окно открылось, и показалась она сама. – С «Тарзана», что ли? А я уже не жду.

– Лопаты есть?

– Лопаты? Зачем?

– Некогда. Где лопаты?

– Во дворе. А ты чего такая, а?

– Шевелись, по дороге все расскажу.

Видно, в моем лице было что-то такое, что Соньку здорово напугало, она перестала задавать вопросы, кинулась во двор и через несколько секунд выскочила ко мне с двумя лопатами.

– Бежим! – рявкнула я, хватая одну из них, и бросилась к кладбищу. Обалдевшая Сонька неслась рядом.

– Куда бежим-то? – прокричала она.

– На кладбище.

– Гретка, ты ведь не спятила? – задыхаясь, проквкала Сонька.

– Иду с «Тарзана», на кладбище двое закапывают третьего, он живой, стонал, быстрее надо.

Я летела, не разбирая дороги. Сонька рядом. В белой сорочке, с развевающимися волосами – она здорово смахивала на привидение. Тут Сонька притормозила и крикнула:

– Дура, выроем его и что, на себе потащим?

– Не знаю, не отставай.

– Так ведь машина у нас, Славка явился.

Тут притормозила и я.

– Возвращайся за ним.

– Он пьян в стельку, пушкой не разбудишь.

– Так чего ж ты мне голову морочишь? – заорала я и бросилась бежать.

– До кладбища и я доеду! – проорала Сонька.

Я кивнула на ходу:

– Давай, только быстро.

Сонька бросила свою лопату и, точно фурия, понеслась в деревню.

Впереди показалась ограда, я лихо перепрыгнула через нее и закружилась, стараясь определить место, где следует копать. В темноте это было не так-то просто. Я пошарила руками, рыхлая земля под ладонью – здесь. Послышался звук подъезжающей машины, что меня очень воодушевило. Машина остановилась, и Сонька жалобно позвала:

– Гретка, ты где?

– Здесь, – ответила я, не прекращая орудовать лопатой.

Сонька подогнала машину к ограде, как раз в то место, где несколько минут назад стояла другая машина. Водитель она была тот еще, хорошо хоть Славка не видит. Сонька выскочила, извлекла лопату, подобранную по дороге, и принялась мне помогать. Дело пошло быстрее. Копали мы с двух сторон, так что получались как бы две ямы. К счастью, могила была не очень глубокой.

– Смотри, не задень его, – шепнула я.

– Гретка, если это дурацкая шутка, я тебя убью.

И тут он застонал. Мы замерли на мгновение, а потом кинулись выгребать землю руками.

– Мамоchка моя, – шептала Сонька, – это что ж такое на свете делается... Вот он, – вдруг сказала она, – рука вроде...

– Слава богу, – вздохнула я, но радовались мы рано: предстояло его из ямы вытащить. Первая попытка успехом не увенчалась, груз тяжелый, а навыков извлекать из могил несосто-

явившихся покойников у нас не было. Промучившись понапрасну, мы, тяжело дыша, уставились друг на друга.

– Он не задохнется, – сказала я. – Значит, мы его можем здесь оставить и ехать к Максимычу, вызовем «Скорую» и милицию.

Сонька вытаращила глаза, а потом сказала:

– Нельзя его здесь оставлять, а если эти вернутся?

Мысль эта как-то не приходила мне в голову, она вдруг придала невероятные силы.

Сонька, видимо, тоже прониклась:

– Держи его сверху. Тяни. А я буду снизу подталкивать...

С пятого захода мы его вытащили, что меня, признаться, удивило. Он опять застонал, отчетливо, хотя и тихо.

– Господи, что же это он никак не очнется, хоть бы помог, – причитала Сонька, когда мы волокли его к машине. На мужчине было кожаное пальто, мы ухватились за полы и кое-как втянули несчастного на заднее сиденье. Далось это нам очень нелегко. Мы совершенно выдохлись, несколько минут сидели опустошенные, не в силах пошевелиться. Немного придя в себя, Сонька заняла водительское место и повернула ключ. Слабо порычав, мотор заглох.

– Только не это, – взмолилась я. Со второй попытки машина завелась. Кое-как сдав назад и развернувшись, мы поехали в деревню.

– Кто здесь из соседей? – спросила я.

– Никого. Я да Максимыч. Герасимовы были. Вчера уехали.

– Может, сразу в город, а?

– Спятила? Разве я доеду?

Сонька, конечно, права, водитель она никакой.

– Может, в село? – волновалась я.

– Сейчас его дома выгрузим, ты побежишь к Максимычу звонить, а я его осмотрю, может, чем помочь сумею.

– Ага, – усмехнулась я, но ничего лучше предложить не смогла.

Тут мы подъехали к самому крыльцу. Сонька в него бампером ткнулась и чертыхаться начала, но быстро успокоилась. То ли мужчина стал легче, то ли мы малость поднаторели, но вытащить его из машины и занести в дом оказалось не так уж сложно. Вошли в кухню и положили его на пол. Голова его была как-то странно запрокинута, мне это не понравилось, но размышлять об этом времени не было. Я уже стояла у дверей, намереваясь бежать к соседу, когда Сонька вдруг позвала:

– Гретка, он мертвый.

– Что?

– Мертвый, говорю.

– Да не может быть, – охнула я. – Он же стонал, ты же слышала.

– Слышала. Отстонался.

Я села рядом с ней. Пульса нет, и лицо... Да, лицо у него было... в общем, смотреть на него не хотелось.

– Слушай, может, он жив все-таки, много ты в таких делах понимаешь, – ныла я.

Сонька убежала в комнату и вернулась с зеркальцем. Мы подставили его к самым губам мужчины и стали терпеливо ждать. Ничего.

– Говорю тебе, он мертвый, – сказала Сонька, устало откидываясь к стене.

– О, господи, чего же теперь делать-то?

– Дверь запереть, вот что.

– Зачем?

– Не знаю. Жутко. И окна зашторь.

Мне вдруг тоже сделалось жутко, я торопливо заперла дверь, зашторила окна и опустилась на пол рядом с Сонькой. Мы уставились на покойника. Из одежды на нем, кроме кожаного пальто, ничего не было. Теперь, при свете, мы могли его разглядеть и ужаснулись: кто-то над ним здорово поработал. На пальцы рук и ног смотреть было невозможно, мне стало нехорошо, я зажала рот рукой и бросилась в туалет.

Когда я вернулась оттуда, Сонька все еще сидела на коленях, прижавшись ухом к его груди и щупая, как в американском кино, артерию на шее. Увидев меня, подняла голову и сказала:

– Мертвее не бывает.

Верить в это не хотелось.

– Много ты понимаешь. Он ведь стонал.

– Стонал, – усмехнулась Сонька. – Сначала над ним всяко-разно измывались, потом голову разбили, или наоборот, что, в общем-то, неважно. Потом в землю зарыли, потом, правда, вырыли. Не выдержал человек, помер.

– Может быть... – начала я.

– Да заткнись ты. Это труп.

Я села рядом и заревела. Сонька тоже носом зашмыгала, потом спросила:

– Что делать-то будем?

Я пожала плечами:

– Пойду к Максимычу, в милицию звонить.

– Погодь. Торопиться некуда. Давай-ка покурим.

Мы закурили, поглядывая время от времени на труп, и Сонька предложила:

– Расскажи-ка мне эту историю, вроде как бы милиционеру.

Я рассказала. Сонька слушала внимательно, потом криво усмехнулась и заявила:

– Полное дерьмо.

Я пожала плечами.

– Менты нас в гроб вгонят.

Я покосилась на обезображенное тело и заметила:

– Менты еще полбеды.

Сонька зябко поежилась.

– Чего ж тогда?

– Откуда я знаю?

Сонька стала хмуриться и наливать краской.

– Все ты... вечно тебе больше всех надо. Видишь, люди что-то зарывают, и шла бы себе дальше, уж, наверное, они не рассчитывали на то, что какой-то придурок сразу вырывать начнет.

– Два придурка, – поправила я.

– Я не в счет. Это ты меня с толку сбила, вот спросонья и дала маху. Сиди теперь с покойником. Оторвут нам башку, как пить дать, и поделом... Ох, тяжело мне...

– Да заткнись ты! – прикрикнула я.

– Сама заткнись. Вляпались... ух, фашистское отродье! – буркнула Сонька.

– Жидовка недобитая... – парировала я.

Мы вздохнули и заскучали.

– Грет, – позвала через минуту Сонька.

– А?

– В милицию нельзя звонить.

– Тупому ясно.

– Что делать?

– Назад везти, – решила я, – где взяли, туда и положим. И забудем.

- Не хочу я на кладбище, – запаниковала Сонька.
- Хорошо, давай у тебя в погребе зароем.
- Свинья ты все-таки, приволокла покойника...
- Да заткнись ты... Проверь у него карманы, может, узнаем, кто он.
- Зачем?
- А я откуда знаю?
- Вот всегда у тебя так, – проворчала Сонька.

Карманы были пусты. Я еще раз взглянула на покойника: цвет волос из-за крови не определишь, лицо разбито, ухо разорвано, отпечатки пальцев отсутствуют, тело в тех местах, где его можно было рассмотреть под синяками и ссадинами, без особых примет. Если таковые и были, то мы их не увидели. Более или менее уверенно можно было утверждать лишь, что это молодой мужчина. Выходило, могила его останется безымянной.

- Ладно, – решила я, – поехали.
- Может, попозже, – заскулила Сонька.
- Чем скорее мы от него избавимся, тем лучше.
- Ну и вляпались, ну и вляпались, – запричитала моя подруга и тут же совершенно

другим голосом спросила:

- Медальон заметила?

А я-то надеялась, что обойдется. Как же...

– Заметила, – ответила я зло. На шее покойника на толстой витой цепочке висел медальон: в овале две сплетенные змеи. Работа тонкая, вещь оригинальная, и если мои скромные познания со мной шуток не шутят – дорогая.

- Надо снять, – сказала Сонька с легкой грустью.
- Спятила? Убийцы не сняли... Значит, причина была. Вещица заметная.
- Я бедная женщина, и как я, по-твоему, смогу золото в землю зарыть?
- Сможешь.
- Что я, дура какая? Спрячем. В конце концов, его переплавить можно. Золото, оно и в Африке золото, слышь, Гретхен? – не унималась Сонька – Как-то мы должны компенсировать

свои муки.

- У, крохоборка, – разозлилась я. – Что значит гены: за копейку удавишься.
- Твой-то не лучше, у трупов зубы дергали.
- Коронки, – поправила я.
- Коронки что, не зубы? И кто бы говорил о копейках? Эта штука денег стоит, слышишь?

Мы ж не будем им на рынке трясти...

– Заткнись, – рявкнула я и замахнулась. Сонька втянула голову в плечи и зажмурилась. Через несколько секунд приоткрыла один глаз и, убедившись, что драться я не собираюсь, расслабилась.

- Ладно, чего ты... – пробормотала она жалобно.
- Я махнула рукой:
- Делай, что хочешь, только если тебя за этот медальон потом прирежут, не стони.
- Ты мне еще спасибо скажешь, – обрадовалась Сонька, снимая цепочку. – Мы еще....
- Не мы, а ты, – перебила я, – мародерка.
- Ну как хочешь. Я этот медальон внукам в наследство оставлю.
- Каким внукам? У тебя и детей-то нет.
- Может, будут.

Сонька ушла прятать медальон, а я грустно смотрела на покойника.

– Что ж нам с тобой делать-то? – спросила я задумчиво, но он ничего не предложил. – Славку разбудим? – осведомилась я, когда Сонька вернулась.

– С ума сошла? У Славки язык, как помело. Нет уж, мы этого парня сюда притащили, придется нам его и отсюда нести.

Вздыхнув, мы ухватились за полы пальто и понесли труп к машине.

– Давай в багажник, – сказала Сонька, – ему теперь все равно.

Засунуть труп в багажник оказалось делом нелегким, мы потратили на это минут десять.

– Лопаты где? – спросила я.

– В машине. – Сонька заняла водительское место, я села рядом, и мы покатили на кладбище, не включая фар. Был второй час ночи, в лесу темень жуткая. А в багажнике покойник.

– Гретка, – начала ныть подружка, – может, все-таки в милицию, а?

– Ты вспомни, как он выглядит, хочешь познакомиться с теми, кто его так отделал?

Сонька не хотела. Мы остановились возле ограды и вышли.

– Хорошо хоть яму рыть не надо, – сказала Сонька. Мы достали лопаты, открыли багажник, собираясь вытащить покойника, и тут очень отчетливо поблизости хрустнула ветка. Мы замерли, вглядываясь в темноту. Там, впереди, кто-то был и также ждал, замерев.

– Бежим, – выдохнула Сонька, хлопнув крышкой багажника. Мы бросились в машину, пока я лопаты засовывала, Сонька завела ее, к счастью, с первого раза, через несколько секунд мы уже неслись по дороге.

– «Хвоста» нет? – деловито спросила Сонька.

– Нет, – не очень уверенно ответила я, вглядываясь в темноту.

Машина притормозила у крыльца, когда Сонька спросила трагическим шепотом:

– И что теперь?

Я напрягла мозги. Безрезультатно. Попробовала еще раз, с тем же успехом. Положительно, сегодня я ни на что больше не годилась, вздохнула и сказала:

– Давай-ка спать. Утро вечера мудренее.

Сонька была похожа на выжатый лимон, и возражать сил у нее, как видно, не было.

– А труп? – смиренно спросила она. – Оставим в машине?

– Сдурела? Давай его в чулан.

В третий раз за ночь мы ухватились за полы пальто и поволокли покойника в дом.

– И чего мы так испугались, – ворчала я, задыхаясь от тяжких трудов, – никого ведь на кладбище не было.

– Может, не было, а может, и было. Как хочешь, только я туда больше не поеду.

Мы положили труп на полу в чулане, возле самой стены, и прикрыли старой скатертью.

– Идем спать, – сказала я, – на ногах не держусь.

Мы торопливо умылись и полезли на печь. Лежали рядом, не шевелясь, и в потолок смотрели. Голова шла кругом, а сна не было.

– Гретка, – вдруг позвала Сонька.

– А?

– Следы остались.

– Что? – не поняла я.

– Следы от машины, прямо к нашему дому.

– О, господи, – простонала я, поднимаясь.

– Ты куда?

– Следы заметать.

Мы вышли из дома, обломили с тополя две большие ветки и наперегонки рванули к кладбищу, волоча ветки за собой. Добежали до развилки, развернулись и помчались обратно. Вся эта суета с покойником здорово действовала на нервы. Вот и спасай людей после этого. Я на Соньку покосилась, она неслась рядом и выглядела полной идиоткой. Я, надо полагать, выглядела не лучше. Ветки мы забросили в огород и вернулись в дом. Я едва стояла на ногах. Лишь только голова моя коснулась подушки, я мгновенно уснула.

Разбудил нас Славка. Сунул голову под занавеску и заорал:

– Подъем!

Мы разом вскочили.

– Гретка, ты когда явилась? – спросил он.

– Вчера. С «Тарзаном».

– А-а-а. Опохмелиться бы надо... – И в самом деле, Славка выглядел неважно, впрочем, это его обычное состояние.

– Опохмелись, – сказала Сонька, спускаясь с печки.

– А есть?

– А ты оставил?

Славка тяжело вздохнул, зачерпнул ковшом воды из ведра и забулькал. Потом повернулся к нам:

– Нет в вас понятия, человек страдает...

– Не сдохнешь, – махнула рукой Сонька, тут мы обе сообразили, что в чулане у нас покойник, всполошились и закружили по кухне.

– Я его сейчас выпровожу, – шепнула Сонька, – двигай в огород.

Я вышла, устроилась на скамейке под кустом сирени и стала ждать. Минут через десять донесся Сонькин голос, быстро переходящий в львиный рык, потом слабое Славкино повизгивание. Сонька рывкнула в полную силу, дом содрогнулся, стекла жалобно звякнули. Славка показался на крыльце и как ошпаренный рванул к машине. Вслед за ним появилась Сонька.

– И чтоб духу твоего не было! – прорычала она, потрясая кулаком. Славка исчез за горизонтом. – Порядок, – сказала Сонька, потирая руки. Я покинула куст сирени и подошла к крыльцу. Думать о чулане даже не хотелось.

– Теперь и к ментам не пойдешь, – вздохнув, заметила Сонька. – И так история полное дерьмо, а то, что сразу не сигнализировали, они и вовсе не поймут.

– Это точно, – согласилась я. – Придется нам его хоронить.

– На кладбище не поеду, – покачала она головой, – хоть убей.

– Куда ж его тогда?

– Давай-ка прогуляемся, посмотрим.

После сорокаминутной прогулки решено было произвести захоронение за амбаром. От домов далеко, место неприметное, амбаром давно не пользовались, через неделю могила крапивой зарастет. Опять же, наше копошение здесь не будет в глаза бросаться ни с дороги, ни со стороны деревни, а в случае чего свое присутствие мы могли внятно объяснить: тут лежали старые доски, почему бы не навести порядок и кое-что не распилить на дрова? Мы решили, что все это очень умно, и, вооружившись лопатами, стали трудиться, то есть рыть яму. Дело, как я уже отметила, нелегкое. К обеду смогли освоить в глубину не больше метра. Измучились, оголодали, замаскировали свои труды досками и пошли в дом. Я взглянула на часы:

– Мне ехать нужно, а то на работу опоздаю.

– Чего? – выпучила глаза Сонька. – А я с ним останусь?

Конечно, Сонька была права, и я это прекрасно понимала, а про работу заговорила скорее из вредности.

– Не ори, позвоню, отпрошусь.

Сонька кивнула и стала собирать на стол.

– Хорошо хоть, в деревне ни души, – заметила она тоскливо. Надо сказать, что для Куделихи это дело обычное. В лучшие времена в ней насчитывалось девять домов, теперь семь. Располагалась деревня буквой Г, три дома со стороны дороги, причем Сонькин крайний и слегка на отшибе, а через речку еще четыре. Деревня эта вызывала мое уважение тем, что являлась родовым гнездом Сонькиной бабушки с материнской стороны, женщины, безусловно, почтен-

ной и заслуживающей лучшей внучки. Впрочем, Сонька с этим, конечно, не согласилась бы, я подозреваю, она всерьез верила в то, что является венцом природы. Вот от этой самой бабушки Сонька и получила в наследство древний пятистенки, который торжественно именовала дачей. Из местных жителей сохранились только двое: вдовствующий пенсионер Максимыч, обладатель телефона, он жил за рекой, и древняя бабулька Мария Степановна, прозванная Зайчихой, которая жила через дом от Соньки. Сейчас Зайчиха отсутствовала: была вывезена в Москву на свадьбу к правнуку. Обладатели остальных четырех домов презрительно именовались «дачниками». Регулярно здесь появлялось только семейство Герасимовых, соседей Максимыча. Сонькины соседи лет пять судились из-за бабкиного наследства, что позволяло ему спокойно ветшать. Один из домов принадлежал какому-то музыканту из Москвы, которого в глаза никто не видел, это давало повод для безграничных Сонькиных фантазий, выдаваемых дрожащим от благоговения голосом. Владельцы еще двух домов умерли прошлой зимой, и дома вроде бы продавались. В общем, опасаться чужих глаз особенно не приходилось.

Предстояло решить вопрос с работой, но и это не проблема, на пару дней отпрошусь, а там праздники, на целых четыре дня. За это время с покойником мы как-нибудь сумеем расстаться.

– Пообедаем, схожу к Максимычу, – сказала я, усаживаясь за стол, – позвоню на работу.

Тут Максимыч неожиданно объявился сам. Надо сказать, погода стояла на редкость теплая для конца апреля, окна были открыты настежь, в одном из них он и возник.

– Здорово, девки. Чай пьете?

– Пьем. Заходи, – кивнула Сонька.

– А покрепче ничего нет?

– Я тебе сколько раз говорила, не замутняй мозги алкоголем.

– Эх! – крикнул Максимыч, поднялся на крыльцо, разулся, снял кепчонку, пригладил волосы и прошел к столу. – Здорово, Маргарита.

В последнее время только он называл меня исконным именем, за что я его невыносимо уважала. Сонька извлекла из шкафа початую поллитровку, три стопки, нарезала колбасы и провозгласила:

– Давайте за сенокос.

Мы выпили и закусили.

– Маргарита, ты когда приехала? Сегодня?

– Нет, вчера, с «Тарзаном».

– Мимо кладбища шла?

– А где ж еще? – насторожилась я.

– Не заметила ль чего, а?

– На кладбище? – попробовала я удивиться.

– Ох, девки, какие дела творятся, аль не слышали?

– А от кого нам слышать-то? – разозлилась Сонька. – В деревне я да ты, пенек старый.

– Грубая ты женщина, Софья Павловна, нет в тебе уважения. А ведь я тебя вот такой помню, на моих глазах росла, еще супруга моя покойная...

– Максимыч, ты чего рассказать-то хотел? – перебила я.

– Про кладбище? Дело такое. – Он собрался с силами и торжественно продолжил: – Вот, девки, до нас дошло, могилы роют.

– Да иди ты! – охнула я.

– Вот те крест. Сегодня ночью иду я, значит, с рыбалки...

– Брось врать, – перебила Сонька. – Комбикорм с дойки воровал.

Максимыч укоризненно покачал головой:

– Ох, Сонька, до чего ж ты баба вреднющая, вот через это тебя и замуж никто не берет...

Тут надо пояснить, что летняя дойка располагалась на равном расстоянии между Куде-лихой, где мы в настоящий момент обедали, и деревней Зайцево, причем кратчайшая дорога в Зайцево вела мимо кладбища. Максимыч, войдя в преступный сговор со сторожем дойки, крал комбикорм и продавал держателям скотины в Зайцеве, используя в качестве средства транспортировки древний велосипед.

– Доворуешься, черт старый, – злилась Сонька, потому как нам обеим уже ясно стало, кто нас вчера спугнул.

– Что городишь-то? – еще больше насупился Максимыч. – Какой комбикорм? Скотину еще не пригнали.

– Значит, доски свистнул. В прошлом году весь пол в телятнике разобрал, – злорадно ухмыляясь, сообщила Сонька.

– Ты бы, Софья, об этом помалкивала, – проронил Максимыч, деликатно потупясь. – Ладно, Маргарита, – она свой человек, а то ведь кто и взаправду подумает...

– Да надоели вы с вашей дойкой, – перебила я, – про кладбище рассказывай.

– Так не дает ведь, ух, аспидка!

– Рассказывай, – отмахнулась Сонька и еще по стопке налила. Мы выпили, закусили колбаской и усталились на Максимыча.

– Вот, значит, как, – продолжил он, – иду я, велосипедик везу, потому как Сонька права, прихватил я пару досок и отвез в Зайцево, иду, бутылочка у меня, дай, думаю, выпью, ну, для храбрости.

– Покойников боишься, – съязвила Сонька.

– Ну, не боюсь, а все ж таки... В общем, присел я у тропинки, кладбище от меня по левую руку, значит, глядь, сворачивает машина, напрямки к кладбищу, и по-хитрому: огни не горят, и тихо так... остановилась, а я себе думаю: какая такая нужда у людей? Прилег под кустом, жду, что дальше будет. Выходят двое. Здоровенные мужики. Взяли лопаты, через ограду перелезли и давай копать. Тут я понял, эти, как их называют... грабители, одним словом, ну, я не удержался и сказал им пару ласковых. Они быстренько в машину – и уехали.

– Может, это тебе приснилось? – спросила я, заметив некоторое несоответствие рассказа с действительностью, а Сонька головой покачала:

– Чокнулся, пенек старый, а если б эти здоровые мужики да тебе лопатой по голове?

– Я уж и сам потом стухнул...

– А чью могилу раскопали? – спросила я. – Богатый кто похоронен был?

Надо сказать, что кладбище здесь древнее, лично мною был обнаружен надгробный камень, датированный 1778 годом.

– Так ничью, – растерялся Максимыч.

– Как ничью?

– Вот так. Рыли прямо у ограды. На пустом месте то есть.

– Чего-то ты совсем заврался, – нахмурилась Сонька. – На пустом месте кто ж грабит?

– А вот и нет, – обиделся Максимыч, – я ночью-то разглядывать не стал, как эти укатили, велосипед прихватил и домой, а утречком встал и скоренько сбежал – любопытство одолело.

– Ну и что?

– Ничего, вырыта яма. Видно, спугнул я их.

– Да, история, – вздохнула я.

– Вот так, девки, думаю в село идти, сообщить куда следует.

– А чего ж не позвонил.

– Такое дело, думаю, лично надо...

Мы с тоской переглянулись и усталились на Максимыча.

– Ты вот что, – не выдержала Сонька, – ты б помалкивал обо всем этом. Совершенно не твое это дело. Времена нынче такие, свидетели долго не живут. Ну, сообщишь, куда сле-

дует, яму свою дурацкую покажешь. Они рукой махнут и уедут, а ты останешься один во всей деревне. Так что помалкивай, и нам зря рассказал, теперь вот ночь не спать.

– Думаешь, Софья, тут опасное что-то?

– Сам посуди...

– Да, дела! – задумался Максимыч.

Чтобы укрепить его здоровую задумчивость, Сонька в подпол спустилась и достала бутылку клюквенной. Мы выпили и закусили. Надо сказать, что Максимыч вдовствовал второй год, и вольная жизнь заметно подорвала его силы. Вот и сейчас, нанеся двойной удар по собственной печени, он заговорил невнятно, а движения, даже незначительные, давались ему с трудом. Мы подхватили его с двух сторон и привычно потащили к родному дому. Было это делом нелегким, хотя Максимыч отличался хилым телосложением, но, как я уже сообщала, жил за рекой, мост через нее отсутствовал, взамен него лежали два бревна. Пройти по ним, бережно поддерживая Максимыча, было почти цирковым номером, но мы помнили, что Сонька росла на его глазах, и это придавало нам силы. Максимыч был лишен обуви и на диван уложен, а я направилась к телефону. На работу я безнадежно опоздала. К счастью, мои трудолюбие и дисциплинированность не подвергались сомнениям, а непосредственный начальник, дева позднебалзаковского возраста, была глупа до святости, так что я не очень беспокоилась. И правильно: вопрос был улажен в две минуты. Мы заспешили домой, где нас ждал покойник.

– Он уже, наверное, пахнет, – предположила Сонька.

– Нет, рано еще. Я где-то читала, что трупное окоченение...

– Да замолчи ты, – разозлилась Сонька и вдруг заскулила: – Пропадем мы, Максимыч проспится, в село кинется. Привезут собак, эксперты там всякие, в один момент найдут. А он у нас в чулане. В органах шутить не любят. – Слово «органы» она произнесла с особым душевным трепетом, чем очень напомнила мою покойную бабушку Эльзу Оттовну Шефлер. У той благоговение перед органами было столь велико, что порой граничило с идиотизмом. К примеру, своего папу Отто бабуля перекрестила в Антона, перегружала свою речь пословицами и поговорками, а за столом громче всех пела русские народные песни. Вот уж кому никогда в голову бы не пришло называть меня Гретхен. Фамилия бабулю беспокоила меньше – предполагалось, что я выйду замуж. Правда, маме это не помогло... Знакомые интонации в Сонькином голосе навели меня на некоторые мысли, и я спросила:

– Сонька, а твой дед точно в гетто погиб?

– Дался тебе дед, лучше подумай, что нам теперь делать.

– Хоронить. Сейчас и займемся, пока Максимыч спит.

– Днем?

– А ты предпочла бы ночью?

– Я в чулан не пойду.

– Ага, – усмехнулась я.

– Все ты, ух, фашистское отродье! От вас одни беды.

– Как бы не так. Если б не твоя родственница Ева, до сих пор жили бы мы в раю, горя не знали и о покойниках не думали. Всё вы, богоизбранные.

– Ева жидовка?

– А то.

– Ну надо же, никогда б не подумала. Гретка, ты умная, скажи, как нам из всего этого выбраться?

– Уже сказала. Похороним его и забудем. Как будто не было.

– Ой, найдут нас менты, – заскулила Сонька, – их не обманешь. У них там разные штучки, я в кино видела, мигом выведут на чистую воду.

– Чего ты завелась? Ну, сообщит Максимыч, ну посмотрят яму и уедут. Пусто в яме.

– Ага, они покопаются и скажут: «Был труп».

- Не было трупа, он там живой лежал. – Хорошо, если они это поймут. А собаки?
- Что собаки?
- Собаку пустят по следу, а она к нашему амбару. А уж как начнут крутить, тут нам и конец.
- Заткнулась бы ты лучше, богоизбранная, без тебя тошно.
- А сколько нам влепят, если его найдут?
- Я вздохнула:
- Думаю, много. Не сообщили – раз, труп спрятали – два, следствие в заблуждение ввели
- три...
- Какое следствие? – испугалась Сонька.
- Да никакое. Пошли быстрее.
- Мысль об уголовной ответственности придавала нам необыкновенные силы, мы трудились с огромным энтузиазмом и углубили яму еще на полметра.
- Все, – сказала я, выбираясь из нее, – хватит, а то и меня хоронить придется.
- Сонька дышала с трудом, потом вдруг начала трястись.
- Гретка, боюсь я его тащить.
- А в тюрьму не боишься?
- Боюсь.
- Тогда шевелись.
- Входить в чулан было страшно.
- Давай попозже, – опять заныла Сонька.
- Я впихнула ее туда и сказала сурово:
- Берись за пальто и понесли.
- Он, кажется, отяжелел. Мы с трудом вынесли его из дома, а дальше вдоль огорода, картофельного поля – волоком по земле, оставляя заметный след.
- Ой, найдут, – шептала Сонька, – выйду из тюрьмы бабушкой.
- Наконец мы дотащились до ямы, стянули с покойника Сонькину скатерть и, стараясь не смотреть на его лицо, столкнули вниз.
- И хороним-то не по-людски, – не унималась подружка, – ты какую-нибудь молитву знаешь?
- Ничего я не знаю, зарывай.
- Мы торопливо орудовали лопатами, каждую секунду ожидая появления Максимыча с органами. Косились на пустынную дорогу, но больше всего боялись заглянуть в яму.
- Старательно разровняли землю и прикрыли могилу досками. Отошли в сторонку и оценили: вроде бы неплохо.
- С собакой найдут, – тоскливо сказала Сонька.
- Заладила – собака, собака. Пошли.
- Пошли. Есть хочу.
- Придется подождать.
- Это почему, и куда ты меня ведешь?
- На кладбище.
- Зачем?
- Могилу закопаем.
- Сонька замерла, я продолжала идти вперед, не обращая на нее внимания. Она догнала меня вприпрыжку и, заглядывая в глаза, спросила:
- Придумала чего?
- Ничего не придумала.
- А зачем закапывать, Гречка?
- Не знаю. Если кого любопытство одолеет, пусть тоже лопатой помашет, как мы.

– Вот ты всегда так. Задумаешь что-то и молчишь, а я не в курсе. Я ведь тоже знать должна.

– Те, что его закопали, вернуться могут.

– Зачем?

– Да откуда я знаю? Памятник поставить. А могила разрыта. Понравится им это?

– Думаю, нет. Для чего-то они ее зарывали.

– Точно. Вот и оставим, как было.

– А Максимыч?

– Пусть доносит органам. Приедут, разроют, а там ничего, ему ж еще и достанется.

– А ведь точно, Гретхен. Я ж знала, ты умная, не дашь пропасть. В тюрьму-то уж больно не хочется.

Мы обошли кладбище и, не заметив ничего подозрительного, принялись за работу. Все приходит с опытом: закончили минут за пятнадцать. И домой заспешили. Труды тяжкие и обильная выпивка свое дело сделали: спать очень хотелось.

Проснулась я оттого, что Сонька трясла меня за плечо.

– Ты чего? – испугалась я.

– Дождь. – И точно, за окном шел дождь, тихо постукивая в распахнутое окно.

– Дождь. Это хорошо, – кивнула я, переворачиваясь на другой бок. Часы показывали одиннадцать, и вставать уже не было смысла.

– Эй, белокурая бестия...

– Ну...

– А дождик-то все следы смывает.

– Точно.

– И собачка после дождя ничего не найдет?

– Не найдет.

– Есть все-таки бог на свете, – обрадовалась Сонька. – Я всегда говорю, должна быть какая-то справедливость. Вот мы, к примеру, старались, выкапывали, хотели человека спасти...

– И влезли в дерьмо по самые уши...

– Да, то есть нет. Я имею в виду, что мы ведь доброе дело сделали, а добрые дела должны учитываться.

– Где?

– Ну, я не знаю... Характер у тебя, Греточка. Начнешь с тобой по-человечески говорить, так ты обязательно все испортишь.

– Я больше не буду. Говори. – Мне было ясно, что это единственный способ отвязаться от подружки и опять уснуть. Сонька развивала свои идеи вселенской справедливости, а я дремала, а потом и вовсе крепко уснула. Правда, ненадолго. Дождь перешел в ливень, в небе загремело, заполыхало, а Сонька принялась выть. Грозы она до смерти боится, утверждает, что в детстве ее молнией ударило, я думаю, даже не один раз.

– Сунь голову под подушку, – посоветовала я. Сонька сунула и при каждом раскате грома тихо скулила. Кого хочешь разжалобит. Я стала ее утешать и по плечу поглаживать. Тут она голову подняла и вдруг стала бледнеть.

– Ты чего? – испугалась я.

– Слышишь?

– Что, гром?

– Нет. В чулане кто-то ходит.

– Да кто там ходит?

– Он...

– Дурища, как он ходить-то может? Мы его у амбара зарыли.

Сонька жутко побледнела и начала креститься, конечно, и на меня страха нагнала.

– Слушай, ненормальная, хочешь, я пойду в чулан, посмотрю? – разозлилась я.

– Не надо, – теперь она еще и заикалась. – Я одна боюсь.

Тут я решила, что в чулане мне делать совершенно нечего, и вроде бы тоже начала бледнеть.

– Бежим к Максимычу, – простонала Сонька.

– Вымокнем до нитки, – усомнилась я, – и гроза.

– Добежим.

Мы накинули на голову старый дождевик и бросились к реке. На другом берегу в серых потоках воды появилась фигура в жутком балахоне. Сонька начала оседать, заваливаясь вправо, но тут Максимыч замахал руками и крикнул:

– Давайте бегом!

Мы перебрались к нему и заспешили в дом.

– А я уж к вам собрался, – сказал он, снимая плащ-палатку. – Гроза-то, а? Беспокоился, как вы там. Софья Павловна грозу уважает.

– Уважаю, – кивнула Сонька. – Согреться бы.

– Самовар горячий.

– А печка? – спросила я.

– С утра топил.

Мы выпили чаю, и я забралась на печь греться. Было тепло и уютно. От покойника мы избавились, дождь все следы смыл, можно забыть эту историю и жить, как раньше. Через час гроза кончилась, я выглянула из-за занавески: Сонька с Максимычем мирно играли в «дурака».

– Девки, подъем! – Я потянулась и открыла глаза. Сонька рядом зашевелилась.

– Который час? – спросила я Максимыча.

– Девять. Засиделись мы вчера с Софьей.

– Кто выиграл?

– Я. Глянь, Маргарита, чего в деревне делается.

– Чего ж в ней такого особенного? – насторожилась я.

– А ты выйди на улицу-то, выйди.

Я вышла на крыльцо и ахнула: деревня вдруг ожила, у каждого дома красовались машины, а у неизвестного музыканта целых три. Мне стало нехорошо при мысли о том, как близко мы были от беды.

– Дачники приехали. В три дома на все лето. Пенсионеры, – довольно заметил Максимыч.

– Теперь тебе что не жить, – кивнула я, – не заскучаешь.

Тут на крыльце возникла Сонька.

– Максимыч, у тебя картошки на посадку не будет?

– Найдем.

– Что это за любовь к сельскому хозяйству? – удивилась я, когда мы шли к дому.

– Ну, не знаю. Дачники должны картошку сажать. Не можем мы здесь жить, ничего не делаю.

– А я не здесь. Я домой.

– Ты что? – ужаснулась Сонька. – А Максимыч? А если в органы сообщит?

– И что мы сделаем?

– Будем в курсе. Греточка, нельзя нам никак уезжать. Мы должны держать руки... на этом...

– На ширине плеч, – подсказала я.

– Да... Свинья ты, Гретка. Мы должны знать, что происходит.

– Ясно. Временами облачно. Местами кратковременные осадки.

– Чего?.. Греточка, ты меня послушай. Конечно, я не такая умная, как ты, может быть, я даже совсем неумная...

– Дура, что ли?

– Может, дура, – согласилась Сонька, – но кое-что я понимаю: мы должны все держать под контролем, – нашла она нужную фразу и так обрадовалась, что и я начала радоваться из чувства солидарности: детская радость в глазах дорогой подруги была умилительна.

– Чего ты хочешь? – спросила я.

– Поживем праздники, картошку посадим, за дедом присмотрим, не начудил бы... А если органы, так хоть будем знать. А?

Если Сонька что-то вбивала в голову, это навеки, она всегда твердо стояла на своем, хотя вокруг хватало стульев, чтобы сесть. Я махнула рукой – остаемся.

При всем Сонькином желании сажать картошку после такого ливня было невозможно. Весь день мы валяли дурака. К вечеру, когда заметно подсохло, Максимыч объявился, задумчивый и явно обеспокоенный.

– Ты чего как пришибленный? – поинтересовалась Сонька.

– На кладбище ходил.

– Опять? Чего тебе нейдет?

– Как же... любопытно.

– У меня был любопытный знакомый, так на днях схоронили.

– Сонька, закопали ее.

– Кого? – очень натурально испугалась она.

– Ну, яму эту.

– Кто ж ее закопал?

– Откуда мне знать? Пошел сегодня взглянуть, а ее и нет вовсе. А после дождя и место не найдешь, будто корова языком слизнула.

– Ну и что? Нужна тебе яма?

– Как же, Софья, что-то ведь здесь не так.

– Я тебе говорила и еще повторю, помалкивай ты об этом. Далась она тебе.

– Надо бы все-таки сообщить куда следует.

– Сообщи. Яма у него пропала. Была и нету. Засмеют на старости лет. Давай-ка за стол. За картошку денег не взял, так хоть выпьем.

Максимыч не отказался. Часов в десять мы отнесли его на родной диван.

– Ну и что? – съязвила я. – Так и будем человека спаивать?

– А что делать прикажешь? Как бы его от этой глупой мысли избавить? – печалилась Сонька.

Два следующих дня мы сажали картошку и спаивали соседа. Такая щедрость со стороны Соньки кого угодно насторожила бы, но Максимыч, похоже, и подумать не мог, что в голове соседки, которая росла на его глазах, могут завестись черные мысли. Однако, несмотря на систематическое спаивание, забота о появившейся, а затем пропавшей яме его не оставляла. Он упорно вспоминал ее, доводя Соньку до отчаяния. К моей радости, праздники кончились, пора было возвращаться домой.

– Я с тобой, – заявила Сонька.

– А как же лето аристократки?

– Какое лето, когда он возле амбара лежит. Продам к чертям собачьим эту дачу.

– А Максимыч? Не получит поллитровки и в органы кинется.

Сонька заскучала.

– Все равно, одна я здесь не останусь.

Я только вздохнула.

Мы вернулись в город. Привычные дела отвлекли от мыслей о ночном приключении, и я заметно успокоилась. На День Победы я сбежала от Соньки к друзьям в Загорск, и мы неделю не виделись, хотя она звонила с завидной регулярностью. Подруга в эти дни занималась выколачиванием денег с жильцов, снимавших у нее родительскую квартиру, была чрезвычайно деловита и о покойнике даже не заговаривала. Так было до пятницы. В пятницу, выходя с работы, я заметила Соньку. Она вышагивала по тротуару от дверей до угла здания и была явно чем-то взволнована. Я вздохнула и пошла ей навстречу.

– Ну, и чего ты здесь бродишь?

– Тебя жду.

– Могла бы позвонить.

Она отмахнулась и вдруг стала совать мне в лицо газету.

– Вот, полюбуйся!

– Может, ты перестанешь ушами дергать и объяснишь, в чем дело?

– Ты читай, читай. Вот здесь.

Газета была областная. В рубрике «Происшествия» встречались иногда курьезные вещи. Сонька ткнула пальцем в столбик: «Пенсионер К., возвращаясь ночью в родную деревню Куделиху, встретил на местном кладбище двух подозрительных лиц с лопатами. Утром на кладбище им была обнаружена яма, которая еще через день исчезла». Читать дальше я не стала.

– Ну и что?

– Доболтался, старый черт, – волновалась Сонька, – говорила тебе, нельзя его оставлять.

– Не вижу в этой заметке ничего для нас опасного, – зевнула я.

– Ох, Гретка, газеты не только мы читаем. А что, если эта заметка на глаза им попадется?

– Кому им?

– Тем, кто его закопал. А?

Я задумалась, потом пожала плечами:

– Да... Не будут же они раскапывать, это глупо... или будут?

Мы посмотрели друг на друга и зашагали к остановке.

– Гретка, надо на дачу ехать. Посмотреть, что произойдет.

– Ничего не произойдет.

– Хорошо, если так.

– Слушай, давай забудем все это, а?

– Ага. Забудем. Забудешь тут... Едем, на автобус как раз успеем.

На автобус мы успели и вскоре пили чай у Максимыча, он заметку прочитал и остался доволен, чего нельзя было сказать о нас. Чай мы пили минут двадцать, после чего в голове Соньки родилась очередная идея. Ничего не объясняя, она потащила меня в лес, прихватив провизии и полевой бинокль. Шла она очень уверенно и вывела меня на поляну. Я огляделась и за деревьями увидела кладбище, совсем рядом. И развилку дороги, которая с этой стороны хорошо просматривалась.

– Устраивайся, – предложила Сонька.

– Навсегда?

– Как получится.

Я легла на землю, закинула руки за голову и уставилась в небо. Сонька изображала дозорного. Одно радовало: погода стояла летняя. Я извлекла из кармана журнал, но читать желания не было, и я стала приставать к Соньке.

– Вот, к примеру, с чего ты решила, что они приедут сейчас? Может, они уже были, или явятся ночью, или никогда не явятся.

Сонька уставилась на меня зелеными глазищами, поразмышляла.

– Пойдем-ка яму посмотрим. – Я вздохнула и вслед за ней побрела смотреть яму, которая, строго говоря, не была ямой. Мы присели рядышком и принялись разглядывать землю. Место поросло молодой крапивой и выглядело совершенно невинно.

– Как думаешь? – спросила Сонька.

– Если и были, то землю не трогали.

– А можно, не раскапывая, определить, есть покойник или нет?

– Ты меня спрашиваешь?

Мы помолчали и минут через пять вновь заняли боевой пост на поляне. Я легла, а Сонька сидела, поджав ноги и наострив уши, чем очень напоминала дворовую собаку. Я сказала ей об этом, она отмахнулась, и мне стало ясно: своим занятием подружка увлечена чрезвычайно и никакие силы не заставят ее покинуть пост. Оставалось только ждать, когда ей самой все это надоест. Я вздохнула и стала листать журнал. Прошло часа два, мы уже поесть успели, журнал был прочитан, а Сонька стала проявлять явные признаки нетерпения.

– Может, пойдем? – предложила я. – Еще успеем на последний автобус.

Сонька только головой покачала.

– Слушай, земля холодная, – напомнила я, – для моего здоровья вредно так много времени...

Я не успела договорить, послышался шум подъезжающей машины. Мы замерли, уставившись на развилку дороги. В поле зрения возникли красные «Жигули», свернувшие затем в сторону Зайцева.

– Пост объезжают, – пояснила Сонька расстроенно и опять насторожилась. – Слышишь?

– Не-а.

– Да слушай ты.

Я старалась изо всех сил. Точно. Машина. Вскоре мы ее увидели. «Восьмерка» цвета «мокрый асфальт» появилась на дороге и притормозила. Минуту ничего не происходило. Потом машина плавно двинулась к кладбищу и встала как раз возле куста бузины. Сонька сопела, как паровоз.

– Номер запиши, – шепнула она торопливо. Я записала. Любопытство разбирало и меня, я выхватила у Соньки бинокль и уставилась на машину. Стекла тонированы, и определить, что происходит внутри, было невозможно. Дверь машины открылась, и появился мужчина: коренастый, стриженный, на вид лет двадцати семи. Я узнала его сразу, именно он в памятную ночь выступал в роли одного из могильщиков. Он перелез через ограду, присел и так же, как мы, стал рассматривать землю. Сидел на корточках минут пять, не меньше, как видно, о чем-то размышляя, полагаю, о неприятном, потому что хмурился все более озабоченно. Сонька тянула руки к биноклю, и я отдала его ей, все, что хотела, я уже увидела.

– Что я тебе говорила, – бормотала Сонька, – не одни мы газеты читаем.

Между тем мужчина поднялся, сел в машину и уехал.

– Дела... – заметила я. – Однако раскапывать могилу он не стал.

– Подожди, еще не вечер. Дурак он, что ли, днем копать?

– Что ж, думаю, мы можем домой идти.

– Еще бы покараулить.

– Вот и карауль, а мне до смерти надоело. – Я направилась в сторону деревни, Сонька догнала меня и принялась ныть:

– Говоришь, ночью копать будет?

– Ничего этого я не говорила. И вообще, ночью я близко к кладбищу не подойду, у меня на него аллергия.

– Ладно, не злись, – миролюбиво заметила Сонька, чем очень меня насторожила.

Деревня выглядела густонаселенной: слышались детские голоса, музыка, звон ведер у колодца – одним словом, вечер пятницы. Мы прошлись по деревне, «восьмерки» цвета «мокрый асфальт» не наблюдалось.

– Значит, уехал, – констатировала Сонька, – или затаился где-нибудь. Зря ушли с кладбища, самое интересное пропустим.

Тут я начала злиться:

– У тебя возле амбара покойник зарыт, может, хватит приключений и не стоит искать новых? Забыла, как зубами лязгала? Или хочешь присоединиться к тому, что у амбара?

Сонька не захотела. И правильно. Я решила подвести черту:

– Завтра едем в город и больше об этой истории не говорим. Поняла?

– Так ведь как же, Греточка...

– Все. И заткнись.

Мы вошли в дом, и Соньке пришлось заткнуться, потому что сели ужинать. Чего-чего, а поесть она любит. Правда, вид у нее был кислый, я почувствовала себя виноватой и принялась объяснять, почему нам от этой истории лучше держаться подальше. Сонька обреченно кивала и продолжала ощущать себя несчастной.

– Значит, спать ложимся? – детским голоском спросила она.

– Отчего ж, посмотрим телевизор. – Мы сели возле телевизора. Сонька ерзала и смотрела на меня со значением.

– Греточка...

– Заткнись.

– Не любишь ты меня...

– Я тебя обожаю.

– И ничего не хочешь для меня сделать.

– Для тебя все, что угодно.

– Ну, например...

– Убить моего любимого паука в ванной.

– Свинья! – прорычала Сонька и удалилась спать. Я поздравила себя с тем, что у меня твердый характер, и отправилась вслед за ней.

Утром мы проспали первый автобус, следующий был к обеду, и я занялась цветами в палисаднике. Тут кое-что привлекло мое внимание: у Максимыча горел свет, это в десять-то утра. «Вчера набрался где-нибудь и до сих пор спит», – решила я и продолжала копание в земле, но беспокойство не отпускало, более того, я вдруг начала нервничать и то и дело поглядывать на его окна. Свет все горел.

– Сонька! – крикнула я. Она появилась из огорода и спросила угрюмо:

– Чего?

– У Максимыча свет до сих пор горит.

– И что? – Тут Сонька как-то странно дернулась и уставилась на меня. Видно было, что она предельно напугана.

– О господи! – пролепетала подруга и потом бросила: – Бежим!

Дверь была приоткрыта, свет горел в передней и на кухне. На столе – поллитровка, пустой стакан и миска с капустой. Мы походили, покричали, у соседей поспрашивали – безрезультатно.

– Вот черт старый, напугал, – сказала Сонька, но облегчения в ее голосе не слышалось. Подошло время обеда, Максимыч не появлялся.

– Может, он в Зайцево ушел? – предположила Сонька. – У него там родня.

В город мы не поехали: надо было убедиться, что с Максимычем ничего не случилось.

По телевизору шли «Вести», когда в окно забарабанила соседка и крикнула:

– Соня, Соня, беда! – Мы выскочили на крыльцо. – Максимыча нашли, в реке утонул, за корягу зацепился.

Мы разом побледнели и уставились друг на дружку. Сонька побежала к реке, где уже весь народ собрался, а я осталась на крыльце. Из села приехала милиция, труп забрали. Я была уверена, вывод будет примерно такой: несчастный случай, был пьян, возвращался домой и упал в реку. Так оно и вышло. Я с нетерпением ждала Соньку, а когда она вернулась, сказала:

– Пошли.

– Куда?

– На кладбище.

Издалека могила выглядела вполне зеленой и нетронутой, но вблизи невооруженным глазом было видно: недавно ее кто-то раскапывал. Дерн аккуратно положен на место, но рядом, на молодой крапиве, осталась земля, которую не смогли снести полностью.

– Вот сюда землю бросали, – сообщила Сонька, ползая на четвереньках с видом заправского следопыта. – Так я и думала, надо было здесь сидеть и его дожидаться.

– А зачем? – попробовала я внести ясность. – Мы ведь и так знаем, кто это. Парень на «восьмерке» цвета «мокрый асфальт», и номер записан. Теперь он в курсе, что трупа здесь нет, а Максимыч, возможно, сказал, что его и той ночью не было. И этот тип будет решать загадку, «куда делся труп». Кстати, он-то знает, что хоронили они еще живого.

– Ты думаешь...

– Я думаю, он вполне допускает мысль, что покойник теперь и не покойник вовсе.

– Здорово, – озадачилась Сонька, – а для нас это хорошо или плохо?

– Спроси что-нибудь полегче. Мне кажется, у него два варианта: чудесному спасению из могилы неизвестный обязан либо людям, случайно проезжавшим мимо, либо местным. А в деревне в ту ночь, кроме Максимыча, были только мы с тобой. И я как раз приехала с «Тарзаном».

– Мамоchка моя, как все просто! – ахнула Сонька. – Слушай, может, нам повезет и он не такой умный, как ты. – Боюсь, ему очень нужен труп, и пока он его не получит, не успокоится.

– Где ж он его искать будет? По всей округе землю рыть?

– Для него он живой. И здесь, пожалуй, тоже два варианта: если «покойник» был без сознания, его отправят в больницу, если в сознании, то смог объяснить, что в больницу ему нельзя, и сейчас где-то отлеживается. Хотя может быть и третий вариант, но на это моей фантазии не хватает.

– Греточка, ты не злись, но я уже ничего не понимаю. Чего нам-то ждать?

– Скорее всего он уже обзвонил больницы в округе и знает: нужный ему человек туда не поступал, если поступал кто-то похожий, значит, навестил больного. У него ведь целый день был на это. Ну а если Максимыч о нас сказал, значит, навестит и нас.

– Я не хочу, – жалко охнула Сонька.

– А я прямо умираю от хотения.

– И последний автобус мы уже пропустили, – простонала она.

– Пойдем к Герасимовым ночевать, только подготовимся.

Мы подготовились: на всех дверях в доме прикрепили волоски. Соньке это занятие так понравилось, что мне пришлось вмешаться, чтобы она у себя все волосы не вырвала. Мы отправились к соседям, объяснив свое вторжение страхом перед утопленником. Речь, конечно, зашла о нем.

– Вечером он утонул, – рассказывала Алла Ивановна с энтузиазмом. – Я его как раз видела, когда этот парень пришел.

– Какой парень? – спросила я.

– Да... – она рукой махнула, – спрашивал, продается ли у нас дом, в деревне то есть.

– И что?

– Ничего. Говорю, опоздали, три дома продавались, да уже проданы. Он еще засмеялся, говорит, может, к лучшему, у вас, мол, тут на кладбище мистика какая-то. И газету показал. А я ему: вон она, наша мистика, и на Максимыча киваю, он как раз из огорода шел.

Мы с Сонькой переглянулись: сомнений не оставалось, Максимыч убит, и виноваты в этом, вольно или невольно, мы.

Утром мы вернулись к себе и обследовали двери: в гостях у нас кто-то побывал, основательно пройдясь по всему дому. Оставалось только надеяться, что ничего интересного он не нашел. Нам совершенно не хотелось отправиться вслед за Максимычем. Да, тот у амбара явно любил компанию и потянул за собой других. Даже думать не хотелось, кто следующий?

Следующими будем мы. Это я поняла, как только Сонька возникла в понедельник в моей квартире. У меня весь день было ужасное предчувствие, а тут ввалилась Сонька, и на ней, как говорится, лица не было.

– Ты чего дохлая такая? – спросила я.

– Славка, чтоб ему пропасть...

Я облегченно вздохнула.

– Пошли в кухню, чай пить с вареньем. Черная смородина. Будешь?

– Буду! – Сонька села к столу и ложку схватила.

– Полотенце на колени положи, – сказала я, потому что Сонька была в моем костюме, а у нее прямо-таки дар сажать пятна.

– Да ладно. Я аккуратно.

– Вот уж не поверю. Чего случилось? – спросила я, хотя про Славку мне было неинтересно.

– Представляешь, пока мы в деревне были, этот подлец меня ограбил. Взял у тети Веры ключи, ты знаешь, я ключи у нее оставляю (я знала, что в противном случае Сонька их непременно бы потеряла и не смогла бы попасть в собственную квартиру). Ну, вот, так этот подлец пришел к ней, взял ключи, якобы я просила кое-какие вещи привезти на дачу, и меня ограбил. Форменным образом. И что мне теперь делать? В милицию заявлять?

– Заяви.

– Ну, не чужие мы с ним все-таки люди.

– Тогда не заявляй.

– Так ведь все выгреб. Шестьсот долларов, что на черный день были, и золото. Все золото уволок.

– Тогда заяви, – кивнула я. Сонька была вялой и на себя непохожей. Именно такое ее состояние навело меня на мысль... – Нет, только не это! – воскликнула я и уставилась на нее.

– Кто ж знал, Греточка. Я ведь спрятала. Вместе с кольцом и серьгами.

– Медальон? – спросила я.

Сонька испуганно кивнула.

– Греточка...

– Убогая ты моя, я ль тебе не говорила, что брать его опасно?

– Греточка, – приготовилась реветь Сонька.

– Ну вот, – сказала я. – Здорово повезет, если смерть у нас будет легкой.

– Я ведь...

– Пей чай и молчи.

Сонька торопливо пила чай, конечно, с ложки капало, и подол моего любимого костюма пошел пятнами.

– Ой, – произнесла Сонька тонким-тонким голоском. – Я нечаянно. Честно.

– Ерунда, – улыбнулась я и опрокинула вазочку с вареньем ей на грудь. Мне сразу стало легче, я смогла даже допить чай, хотя Сонька визжала, топала ногами и грозила меня убить. Я смотрела на стену перед собой и размышляла о тщете всего сущего.

– Гретка, – позвала Сонька, вдоволь наоравшись и переодевшись в другой мой костюм, – надо Славку искать.

Разумеется, подруга была права.

– Сколько, говоришь, он денег прихватил?

– Шестьсот баксов.

– Шестьсот долларов пропить надо. Где он, как ты думаешь?

– Да где всегда, в «Витязе».

«Витязь» – забегаловка средней руки. Главной ее достопримечательностью, кроме чудовищной грязи, был зал с очень низким потолком, где стояли два бильярдных стола. Славка мнил себя непревзойденным игроком в бильярд и здесь просаживал свои деньги, когда они у него случайно появлялись.

– Поехали, – сказала я, – может, он еще не успел медальоном похвастать.

Мы поймали такси и махнули в «Витязь».

– Смотри, Славкина машина, – обрадовалась Сонька, заведя на стоянке перед рестораном знакомую «девятку». Я не смогла скрыть вздоха облегчения, но, как выяснилось, радовались мы зря: Славки здесь не оказалось. Мы раз пять прошлись по залам, заглянули в бар, но его так и не нашли. Зато в баре сидел Славкин друг Олег. Сонька направилась к нему. Я ждала у стойки, она вернулась через десять минут, едва живая. – Ну? – спросила я.

– Хуже не бывает. Славка опивался здесь со вчерашнего дня. Проигрался. Доллары еще вчера спустил. И медальон ставил. Олег видел. А сегодня к обеду заявился, при деньгах, видно, где-то занял, – Сонька запечалилась. – Олег говорит, полчаса назад видел, как Славка выходил отсюда с двумя какими-то парнями.

– Куда выходил?

– Не знает. Столкнулись в дверях.

– Все, – обреченно заявила я, – Славку мы больше не увидим.

Я была права. Прождав часа четыре, мы поняли всю бессмысленность этого занятия и вышли из ресторана. Машина по-прежнему находилась на стоянке, но я почему-то была уверена, что ей нужно искать другого хозяина.

– Гретка, ты только не злись, – канючила Сонька, – может, я, конечно, и виновата, но я не нарочно. Давай дружить, а?

– Давай. Перед смертью нужно все прощать друг другу.

– Плохи дела?

– Возможно, бывают и хуже, но мне о них ничего не известно.

– И что же нам делать?

– В милицию идти, сдаваться.

– Это что же, с тюрьму?

– Ну, не хочешь в тюрьму, давай в могилу.

В могилу Сонька не хотела, она посопела и опять полезла ко мне:

– Греточка, ты ж такая умненькая-преумненькая, неужели ничего придумать не можешь?

– Ничего, – отрезала я, – идем в милицию.

– Сами себя в тюрьму сажать? – ахнула Сонька.

– Нет, сообщить о пропаже твоего возлюбленного.

Пропажа возлюбленного милицию не взволновала.

– Давно пропал?

– Часов пять.

Милиционер заскучал, а когда узнал, что Сонька не является законной супругой пропавшего, и вовсе потерял к нам интерес. Мы вышли из отделения: я усталая, Сонька взбешенная.

– И таким козлам сдаваться? – бушевала она. – Да пусть меня повесят!

– Возможно, нам повезет меньше... Вот что, поехали к Игорьку.

– К какому Игорьку? – не поняла Сонька.

– К соседу. Я думаю, он должен помочь. Как-никак влюблен.

– Да он на сто лет моложе тебя, – съязвила Сонька.

– Ну и что, а тебя – на двести. – Сонька старше меня на девять месяцев и напоминаний об этом не выносит. Она сразу же замолчала и всю дорогу до моего дома обиженно сопела, что дало мне возможность обдумать мое обращение к Игорьку. Он был влюблен в меня с самого детства. Мы живем в одном подъезде – я на втором этаже, он на пятом. Как правильно заметила Сонька, был он моложе меня, потому долгие годы я просто не обращала на него внимания. Но делать это было все труднее, потому что любовь его становилась все настойчивее, точнее, не любовь, а молчаливое обожание. Он смотрел на меня по-особенному, бродил следом и оставлял цветы у порога. В доме все добродушно посмеивались, его мать в шутку называла меня «снохой». Я уехала учиться, но, навещаясь в родной дом, по-прежнему видела под моим окном упитанного мальчишку с веснушчатым лицом и оттопыренными ушами. Из армии он вернулся рослым здоровяком, но уши остались прежними и способ выражать свою любовь тоже. Потом в жизни Игорька и в наших отношениях произошли разительные перемены. Все началось с шелковой турецкой рубашки. Когда он в нее вырядился, то при встрече со мной стал смотреть мне прямо в глаза и при этом лихо улыбаться. Когда к рубашке добавилась цепь на шее, начал здороваться, а когда возле нашего подъезда возник белый «Мерседес», Игорек стал невероятно разговорчивым, то есть, обращаясь ко мне, мог произнести слов пятнадцать, при этом почти не краснея. Однажды, в состоянии опьянения, он даже решился зайти ко мне в гости, плакал пьяными слезами на моей кухне и клялся в вечной любви. После чего мне пришлось подняться к Вере Сергеевне, его матушке, и Игорек был выдворен по месту жительства. Утром он пришел ко мне красный как рак и, пряча глаза, извинялся. В результате этого случая наши отношения стали почти дружеские.

Во дворе Игорька считали бандитом. Подрастающее поколение с энтузиазмом намывало его «Мерседес». Выло от счастья, когда Игорек, подъезжая, бросал им: «Здорово, мужики!» О нем рассказывали истории, бабульки у подъезда поджимали губы при его появлении, а родная матушка под горячую руку называла его «бандюгой». В общем, если и был человек, способный помочь нам в нашей дрянной ситуации, так это, видимо, Игорек.

– Вот что, ошибка природы, – сказала я Соньке, когда мы входили в подъезд, – помалкивай, что бы я ему ни сказала. Лучше всего притворись глухонемой.

– Ладно, – кивнула Сонька. – Только ты бы мне сначала...

– Потом, – перебила я и нажала кнопку звонка Игоречкиной квартиры.

Дверь открыла Вера Сергеевна.

– Здравствуйте, – дружно улыбнулись мы. – Игорь дома?

– Дома, – сказала она, запуская нас в прихожую, – спит. Явился под утро.

– А разбудить его нельзя? – заискивающе спросила я. – Он нам очень нужен.

– Чего ж нельзя, можно. Вы в кухню проходите. Сейчас чайку попьем.

Тут из спальни послышался сонный Гошкин голос:

– Ма, кто там?

– Маргарита из четвертой квартиры с подругой, тебя спрашивают.

– Я сейчас, пусть подождет! – крикнул он и вскоре появился в кухне с мокрыми зачесанными назад волосами и лихой улыбкой. На нем были шорты и на шее золотая цепь толщиной с мою руку.

– Привет, – сказал он, садясь за стол. – Какие люди пожаловали...

– Мы по делу, – сообщила я, пленительно улыбаясь, по крайней мере, я старалась улыбаться подобным образом. – Помощь твоя нужна.

– Машину угнали? – деловито поинтересовался он.

– Откуда у нас машина? – удивилась я. – Такая вещь с нами приключилась, даже не знаю, как начать. – Тут я на Веру Сергеевну покосилась, та была женщиной с пониманием и незамедлительно удалилась, хоть и выглядела при этом слегка недовольной.

– Начиная сначала, – усмехнулся Гоша, хрустко раздавив кулаком грецкий орех. Во мне созрела убежденность, что он нас спасет.

– Ладно, – вздохнула я, – дело такое...

И стала излагать. По мере моего изложения лица Соньки и Игорька менялись, сначала они слегка вытянулись, потом обеспокоенно нахмурились, а затем и вовсе стали выглядеть очумелыми. Сонька, естественно, в своих эмоциях заметно опережала Игорьку. Тут надо пояснить, что с историей, происшедшей с нами, я поступила весьма художественно, то есть несколько, а если быть точнее, весьма существенно отступила от правды. О моем личном присутствии при захоронении и речи не было. Из моего рассказа выходило следующее: покойный Максимыч 29 апреля ночью видел двух мужчин, которые подозрительно вели себя на кладбище. Утром, движимые любопытством, мы обследовали свежерытую яму и на дне ее обнаружили медальон: в овале две сплетенные змеи. Далее следовал рассказ о гибели Максимыча, краже Славкой Сонькиного имущества и последующем Славкином исчезновении.

К концу рассказа Гоша орехи не щелкал, сидел потупившись и явно ощущал неловкость. Я с печалью поняла, что он вряд ли поможет нам, и поздравила себя с тем, что разумно поостереглась рассказывать историю в ее первоизданном виде. Я замолчала, хлебнула остывшего чаю и устала на Гошу.

– И чего? – спросил он, явно туго соображая.

– Если из-за этой ямы погиб сосед и исчез Славка, значит, в ней что-то было.

– Или кто-то, – влезла Сонька, долгое молчание отрицательно сказалось на ее здоровье, она даже слегка посинела.

– Если Славка сказал, откуда у него медальон, значит, Соньке надо ждать гостей.

– Почему мне? – испугалась та.

– Потому что медальон обнаружился у тебя, – злорадно ответила я. Сонька заревела.

– Да, – Гоша покачал головой. – Вляпались вы. Чё сунулись-то, зачем взяли?

– Как же не взять-то, Игоречек, – заблелась Сонька. – Ведь золото, а мы женщины бедные...

– А от меня вы чего хотите? – задал Гоша вполне разумный вопрос.

– Хотим, чтобы ты нас спас, – ласково пояснила я, считая, что это должно его воодушевить. – У тебя... большие связи, так вот, не мог бы ты узнать, кому этот медальон интересен, и объяснить ему, что мы всей этой истории – сбоку припека.

Гоша хмурил лоб и сопел.

– Да, слышал я про этот медальон, – заявил он наконец весьма неохотно. – Есть в городе человек, Витька Рахматулин. Крутой, полгорода под ним ходит. Вот один из его ребят перед Первым мая пропал, зовут Илья Большаков, у него такой медальон имелся. Слухи разные ходят, то ли убили его, то ли сам сбежал, и вроде при нем были большие деньги. Очень большие, не для вас и меня, для Рахматулина. Соображаете?

– Дела, – сказала Сонька. – А где же они? Ничего при нем... – Я пнула ее ногой со всей силы, на которую была способна, и она заткнулась, но ненадолго. – Гош, так ты сходи к этому типу и объясни, что к чему, как медальон к нам попал, и все такое...

Гоша криво усмехнулся:

– Ага, будет он меня слушать. – Представляю, чего ему стоило это признание, стало ясно: дела наши из рук вон плохи.

– Может, послушает? – не унималась Сонька.

– Как же, меня и близко к нему не подпустят. Во-первых, я из другой команды, мне придется своим объяснять, что к чему, а во-вторых, не тот я человек, чтобы Рахматулин меня слушал.

– Ладно, – сказала я, придав своему голосу возможную теплоту. – Нет так нет, попробуем еще что-нибудь придумать.

– Может, вам уехать ненадолго, Маргарита? – предложил он. – Ну, пока я все не выясню и вообще..

– Куда ехать, Игорь? У меня работа. И на что жить?

– Кое-что у меня есть... Ты не думай. – Далее он стал путано объяснять, что именно я не должна думать. Сонька все это время пребывала в подозрительной задумчивости, я поначалу решила, что она готовит себя к бегству с последующей эмиграцией, но по нездоровому блеску в глазах поняла, что это не так. Сонька размышляла. Дело это для нее трудное и поглощало подругу целиком. Мы выжидательно смотрели на нее, не решаясь прервать столь важный процесс. Тут она подняла брови и спросила:

– А этому Витьке Рахматулину сколько лет?

Гоша задумался.

– Да, наверное, ваш ровесник.

– Он, случаем, раньше не жил на Садовой? Гимнастикой не занимался?

– Он и сейчас на Садовой живет, коттедж отгрохал в три этажа. А гимнастикой... Точно, ведь кто-то говорил мне, что он чуть ли не чемпионом был, ей-богу!

Сонька плотоядно ухмыльнулась.

– А выглядит он как? Невысокий, смуглый, темные волосы и светлые глаза, на подбородке шрам, хотя, теперь он, может, и не заметен.

Лицо Гоши по мере описания становилось все более озадаченным.

– Точно, – кивнул он, с любопытством глядя на мою подружку. – Я его два раза видел, близко. Про шрам не скажу, не заметил, а все остальное – точняк.

Я хмурилась и смотрела на Соньку: ее связи с уголовным миром были для меня новостью. – Где его можно найти? – между тем спросила она. – Домой как-то неудобно, вдруг женат.

– Он постоянно бывает в ночном клубе «Айсберг». В нижнем баре у него что-то вроде штаб-квартиры.

– Ясно, – сказала Сонька, поднимаясь, – считай, дело в шляпе.

– Может, объяснишь? – поинтересовалась я, когда мы уже были в моей квартире.

Сонька обворожительно улыбнулась и заявила:

– Он мой одноклассник. В девятом и десятом классе был в меня влюблен. До безумия.

Это естественно – влюбиться в Соньку мог только сумасшедший или предрасположенный к помешательству.

– Шрам на подбородке – на память обо мне, на коньках катались. – Далее я выслушала первый рассказ о Витьке Рахматулине, за ним последовал второй, третий, потом рассказы хлынули бесконечным потоком.

– Стоп, – сказала я, – нам нужно его найти, и желательно сегодня.

Сонька кивнула:

– Поедем в «Айсберг». – Тут она на мгновение задумалась, а затем развернула кипучую деятельность. – Подумай, что наденем. Надо ж выглядеть. Не могу я предстать перед ним ободранной кошкой.

Все мои вещи были извлечены из шкафа и разбросаны на диване.

– Ну? – спросила Сонька, примеряя фиолетовое платье.

– Нормально.

– На тебе лучше, ты его и наденешь. А я малиновый костюм.

- Но там пятно.
- А чего до сих пор в чистку не снесла? Живешь – свинья свиньей.
- Свинья та, кто пятно поставила.
- Это я, что ли?
- А то...
- Пятно большое?
- А ты умеешь ставить маленькие?
- Ну, иногда.

Мы занялись пятном. Сонька успела рассказать еще пяток историй об однокласснике, но они не показались мне особенно полезными из-за срока давности. С пятном было покончено, и мы занялись корректировкой внешнего вида.

- Он, кстати, неровно дышал к блондинкам, слышь, белокурая бестия...
- Как же он с тобой оплошал?
- Я – это я, ты ж понимаешь... – Я понимала. – В общем, на девок он всегда заглядывался, боек был... С возрастом эта черта должна усилиться, я правильно выразилась?
- Правильно.
- Вот. Нам главное – к нему подъехать, а там не я, так ты его сделаешь. В юности он был очень ничего.
- А кто из вас кого покинул? – спросила я, и Сонька задумалась.
- Черт его знает, годов-то сколько... Я хочу сказать, не вчера это было, разве вспомнишь?
- Да уж, не вчера, – согласилась я, – но лучше б ты вспомнила, а ну как он на тебя здоровенный зуб имеет.
- Да брось ты, старая любовь долго не забывается, вот увидишь, встретит как родных.

Мне очень хотелось поверить в это. Подготовка к встрече была закончена, но отправляться в клуб было еще рано, и я решила использовать это время для инструктажа.

- Ты поняла, что именно должна ему сказать?
- Поняла, что я, дура какая, что ли?
- Он может задать дополнительные вопросы.
- Как будто я не найду, что ответить.
- Это меня и беспокоит.
- Началось... Опять ты со своей национальной вьедливостью...
- Слушай, племянница гиббона, для существа, чьи мозговые функции не превышают нулевой отметки, ты слишком разошлась. Если этот Рахматулин чего-то стоит, он из тебя махом все выжмет, и что тогда?
- Что?
- Как ты, убогая, ему объяснишь, зачем затеяла весь этот обман?
- А в самом деле, зачем?
- Я и сама не знаю. Но в любом случае, не стоит все выкладывать. – Сонька сосредоточилась, а я, чтобы окончательно ее озадачить, процитировала: – Знание – это ад, по которому гонят тех, кто позволил себе открыться.
- Да, умного-то человека и послушать приятно, – запечалилась Сонька. – Только ведь я ничего не поняла.
- Может, оно и неплохо? – пожала я плечами. – Зачем тебе лишняя мудрость, еще скорбеть начнешь. А покойника про запас оставим, кое-кто совсем не уверен, что он покойник.
- По лицу моей подружки промелькнула тень вдохновения.
- Голова у тебя... Может, ты скромничаешь, может, у тебя в предках большие люди ходили? Вот один, на мартышку похожий, очень любил такие фокусы.
- Господи, тебе-то откуда знать?

– Телевизор смотрю, окно в мир. Ладно. Я все поняла: давай тренироваться, ты поспрашиваешь, я поотвечаю. Но все равно, ты не должна была меня оскорблять, высказываться о моем уме подобным образом и говорить, что я обезьяна.

– Гиббон. Как только встречу с ним, извинюсь.

– Свинья, – равнодушно ответила Сонька, и мы занялись вопросами-ответами. Подружка потрясала разумностью ответов, я бы даже сказала, виртуозностью.

– Порядок, – сказала я, – можешь претендовать на работу в МОССАД. – А что это?

– Еврейская разведка.

– Путевая или так себе?

– Лучшая в мире.

– Смотри, можем, – лучезарно улыбнулась Сонька, и мы разом взглянули на часы. – Пора? – спросила она.

– Пора, – кивнула я. На пару минут мы замерли возле зеркала. Сонька победно усмехнулась:

– Его песенка спета. Против нас он не потянет.

Вообще-то я была с ней согласна.

Мы вошли в бар. Посетителей было немного, в основном мужчины.

– Его здесь нет, – сообщила Сонька.

Я прошла к стойке и спросила бармена:

– Извините, Виктор Рахматулин здесь?

– А зачем он вам? – сурово спросил бармен и кашлянул. Благодаря моей открытой внешности мужчины, как правило, стесняются мне грубить.

– У меня к нему дело. Он здесь?

– Нет, – покачал он головой, – но скоро приедет. Налить вам что-нибудь?

– Тоник, если можно.

– И рюмку водки, – добавила Сонька, плюхаясь рядом, и пояснила: – Для храбрости... Вот мы с тобой все обдумали, – вдруг запечалилась она, – а о достойной биографии для меня не позаботились. Поинтересуется Витька, где, кто я. И что отвечу?

– Скажешь, что ты кактусовод.

– Ууу, отродье фашистское, – озлобилась Сонька, хотя действительно была кактусоводом, в том смысле, что последним местом ее работы являлся Дворец пионеров, где она вела кружок любителей кактусов. Однако упоминать об этом Сонька почему-то не любила, видимо, считая, что данное занятие не является достаточно блестящим для такой артистической и одаренной натуры. Тут надо пояснить, что в своей жизни Сонька работала от случая к случаю и весьма неохотно, зато много училась, в смысле, во многих местах. Как правило, хватало ее на первый семестр, после чего она с негодованием узнавала, что просто отсидеться не удастся, и в гневе отправлялась дальше. Несмотря на свою несокрушимую дремучесть, Сонька умудрилась поступать во многие учебные заведения среднего звена, на высшие она не замахивалась. Думаю, такому успеху способствовала хорошая память и умение собрать все крохи своих знаний воедино в нужный момент – черта похвальная и, безусловно, вызывающая уважение. Еще одним Сонькиным козырем была внешность, которая как-то подразумевала большое внутреннее содержание. Сама себя она искренне считала самородком.

– Ну и что я ему скажу? – вернула меня Сонька в реальность бара.

Я пожала плечами.

– Скажи, что ты домохозяйка, это сейчас модно.

– А муж?

– Погиб в автомобильной катастрофе на «Боинге».

– Путевая тачка?

– Высший класс.

– Ладно, – успокоилась моя подружка, – что-нибудь соображу.

Тем временем мы стали объектом мужского внимания, и это нам не очень нравилось, так как собрались здесь мужчины совершенно особого склада.

– Может, лучше на улице подождем? – шепнула я Соньке, и мы покинули бар.

На улице мы тоже обращали на себя внимание.

– Вот черт! – злилась Сонька. – Чего цепляются? Может, мы на съемном месте торчим?

– Откуда мне знать?

– Да уж.

– Давай отойдем подальше от входа.

– Отойдем и Витьку провороним.

– Можно снова зайти в бар и спросить.

– Стой уж... Смотри, бельмы-то вылупил. Под ноги гляди, чучело, а то рожу расшибешь! – Слава богу, шипела она тихо, но это ненадолго, выйти из себя Соньке ничего не стоило. – Ну ты подумай, чего им неймется?

– Конечно, вырядились, как идиотки, и торчим у самых дверей. Как хочешь, а я в сторонку отойду, он ведь на машине подъедет, увидим.

Сонька согласно кивнула, и мы покинули свой пост.

– Может, прогуляемся немного? – предложила я. – Надо было поскромнее одеться, и вообще.

– Правильно мы оделись. Видела, ни один мужик мимо не прошел, чтоб не споткнуться. Я знаю, что делаю, а ты в этих делах ничегошеньки не соображаешь, так что слушай меня.

– Так уж и не соображаю? – поддразнила я.

– Не соображаешь. Витаешь все в этих... в ампирах.

– В чем я витаю?

– Ну, ты знаешь...

– Понятия не имею.

– Знаешь, знаешь.

– Я тебе сколько раз говорила, не засоряй свою голову незнакомыми словами, береги извилины.

– Ага. – Тут Сонька вытянула шею и сказала: – Вот это тачка, умереть в девицах... Спорю на твоего любимого паука – это он!

Машина тормознула возле лестницы, надо сказать, на нее стоило посмотреть, лично я такую видела в первый раз. Дверца распахнулась, и оттуда с трудом выбралась здоровенная горилла в зеленом пиджаке. Если это был Сонькин одноклассник, то он здорово изменился. Знакомиться с ним совершенно не хотелось. Взглянув на его лицо, я и вовсе опечалилась: может, он и похож на гориллу, только мозгов у нее явно больше. Рядом с ним появились две обезьяны поменьше, очень суетливые. Дверь распахнулась на всю возможную ширину, и Сонька выдохнула: «Он!» Описание, данное ею Рахматулину, было довольно точным: невысокий брюнет в очень дорогом костюме, великолепная фигура скрадывала недостаток роста, и выглядел он просто сокрушительно, особенно на фоне трех мартышек, причем совершенно не был похож на уголовника, как я их представляла, хотя я и не очень утруждала себя на этот счет.

Пока мы глаза таращили, Рахматулин поднялся по ступенькам и направился к дверям «Айсберга». Одна из обезьян, та, что помельче, предусмотрительно забежала вперед. Он прошел мимо нас, совершенно не заметив. Сонька, которая при виде всего этого великолепия малость растерялась, пришла в себя и громко позвала:

– Витя!

Рахматулин обернулся, недовольно нахмурившись. Я покосилась на Соньку, конечно, женщина она сногшибательная, но как-то мне не верилось, что любовь к ней он пронес через

всю жизнь. Мне стало жаль наших усилий. В этот момент в лице Рахматулина стали происходить разительные перемены: сначала он нахмурился еще больше, точно что-то вспоминая, потом вдруг улыбнулся и пошел к нам, широко раскинув руки.

– Бог мой, Софа, ну надо же... Какая встреча!

Софа мгновенно расцвела, повела глазами и плечами и запела в ответ:

– Только не говори, сколько лет прошло, не стоит напоминать, что я уже старуха.

– Ну уж нет, потрясно выглядишь. – Он подошел вплотную, они с Сонькой обнялись и троекратно облобызались, по русскому обычаю, надо полагать. Три обезьяны выжидающе замерли, самая крупная сочла нужным нерешительно улыбнуться.

– Какими судьбами в наших краях? – спросил Рахматулин, отступая на шаг.

– Я ведь тебя ищу, Витя.

– Серьезно? – Тут Витя посмотрел в мою сторону. Сонька права, к блондинкам он явно дышал неровно.

– Моя подруга, – влезла Сонька, обладавшая собачьим чутьем. – Познакомься, Грета.

– Вообще-то Маргарита, – сказала я, – Гретой меня называет Софа и еще несколько друзей.

Он осторожно пожал мне руку.

– Виктор. Что ж мы стоим, а? Пойдемте, посидим, встречу отметим. Сколько лет не виделись... Ты Надьку Сорочинскую помнишь?

– Конечно.

– Так она в ментовке, следовательно, прикинь?

– Серьезно! – ахнула Сонька. – Впрочем, она всегда была занудой, а этот ее дурацкий хвост...

Далее последовали воспоминания, обычные в таких случаях. Мы вошли в ресторан и заняли стол в нише, что-то вроде отдельного кабинета, обезьяны расположились неподалеку. Воспоминания продолжались.

– А помнишь, как Вовка Новосадов жука принес?

Я вежливо улыбалась и скучала, так как школьные воспоминания бывают интересны только самим вспоминающим.

– Что ж, – сказал Рахматулин, поднимая бокал с шампанским. – За встречу! – Мы выпили. – Да, сколько лет прошло, а ты не изменилась. Только красивее стала.

– Это ты из вежливости говоришь.

– Брось, ты была самой красивой девчонкой в школе, все парни по тебе с ума сходили, а я больше всех... Рассказывай, что, как, замужем, дети?

– Нет, Витенька, выбирала, выбирала и довыбиралась, осталась в старых девах.

– Не похоже, – засмеялся он, цепко ухватив взглядом костюм за доллары и бриллиантовые серьги. Как бы Сонька не пережала и он не решил, что мы проститутки. Сонька тоже уловила эту опасность и спросила с избытком интереса:

– А ты? Женат?

– Был. Теперь свободен как птица.

– Дети?

– Дочь, пять лет.

– Да, время бежит, – Сонька напустила в глаза задумчивости.

– Не дождалась меня, – улыбнулся Рахматулин, – а я ведь тебе каждый день письма писал.

Сонька, видно, вспомнила, как именно они расстались, и пояснила, обращаясь ко мне:

– Витя был в армии, – по ее тону было ясно, о какой армии идет речь, – а я как раз уехала в другой город. Знаешь, как это бывает – новые люди, новые впечатления. Как видишь, особого счастья мне это не принесло, – загрустила подруга и вдруг брякнула: – Вся жизнь в труде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.